

ЭКСПИРУ принадлежит лестное для театра определение: актер — зеркало эпохи. В высшем смысле зеркало, не в том, что артист может скопировать своего современника внешне, показать его жесты, походку, передать строй речи. Нет! Он — актер-личность — отражает духовный строй своего ближнего по эпохе.

Что вы помните из того, что играл для вас Николай Константинович Черкасов, семидесятипятилетия которого мы сейчас весело и торжественно отмечаем? Будь он с нами?

Двадцатые годы... Начало начал... Он молодой и, как все молодые в то время, полон озорства и отваги. Эпоха открыла сверкающие дали, все так ясно, понятно, весело. Революция, строительство нового театра были делом радостным и серьезным. Это время рождает особую зрелищность. Живет на сцене и в памяти людей почти «капустническая» «Турандот». Живет в памяти старых театралов, сентиментально смахивающих слезы, и первый Дон Кихот, «на редкость веселый герой» Черкасова в Ленинградском тюзте, не печальный идальго, а несколько утрированный, с длинной кочергой вместо копья, со щитом — большим противнем, забралом — теркой, тазом для варки варенья, ванчающим голову. Невзятые приключения рыцаря и его верного оруженосца, их передвижения происходили с помощью трехколесных велосипедов, к которым были приделаны смешные головы Росинанта и ослика. Все поражало зрителя, смешило его. Спектакль был полон танцев, трюков, арий, песенок и куплетов; он не был философским, но создавал атмосферу праздника и веселья.

Эта атмосфера возникла и в великолепном эстрадном номере — трио Пата, Паташона и Чарли: Н. Черкасов, Б. Чирков и П. Березов. Какие уморительные, смешные трюки они выделывали, ничуть не стыдясь, не боясь унижить высокое искусство сцены своим глумством. Сколько лет с тех пор прошло, но если сейчас показали бы на телевидении этот номер, то у вас он вызвал бы смех и вы порадовались бы за мастера. Ибо он — Черкасов — и тогда уже был Мастером. Вам нужны его уроки — вот первый из них: свободное владение актерской формой, всеми приемами профессии и плюс — великая правда.

В кусочке стекла отражается солнце — в маленьком эстрадном номере оживала эпоха, время, ликование правды раскрепощенного человека.

Черкасов не оставался на месте, он двигался вместе со всеми и вместе со всеми встречал трудности, и беды, и победы, радовался радостям и печалился печалью. И, видно, не случайно всю его жизнь сопровождал рыцарь печального образа из Ламанчи. Четырежды Черкасов в разные времена и разным образом встретился с этим героем. Дважды тогда, в двадцатых, потом перед самой войной в Ленинградском драматическом театре имени А. С. Пушкина и в пятидесятых в фильме Г. Козинцева. И когда, казалось бы, все уже было узвано и познано в любимом герое, вновь и вновь открывал актер новые, не известные дотоле черты Дон Кихота. И путь, на котором он встречался с другими своими героями, часто приводил его к знакомому незнакомцу, соединял в себе черты странного рыцаря. Вы помните Паганелю из фильма «Дети капитана Гранта»? Конечно, помните и никогда не забудете. И в нем, в актере и в его герое, оживают время, ваша молодость и ваши надежды.

Черкасов в своем мастерстве не поддается разбору. Он целен, как мало кто из служителей сцены, в своем мироощущении, которое полно и ликующе слилось в его сценических и кинематографических работах.

Счастье, что экран помогает памяти сохранить в каждом из нас то, что так щедро дарил нам Николай Константинович. Что же подсказывает еще память? Тревожное время предвоенных лет, когда сгущались тучи над стра-

СЛЕД В ЖИЗНИ

Инна ГРОМОВА

КТО ДЕРЖИТ ЗЕРКАЛО?

Н. К. ЧЕРКАСОВ.

ной и в сердцах зрело высокое пламя патриотизма, чувство непобедимости и гордости. А Черкасов? Он вылетал в шлем и кольчуге, он сокрушал повстанцев на хрупком льду Чудского озера. И развевались его русые кудри, как у былинного героя Добрыни Никитича. Под удивительную, почти страшную музыку Прокофьева шли и шли сражаться за Русь его воины, как пошли они потом в годы Великой Отечественной... Велика роль артиста в героизме тех лет, вклад в то, что мы победили, как некогда победил его герой, слова которого в лихие годы войны стали крылатыми: «Кто к нам с мечом войдет, от меча и погибнет!».

История! Как много она всегда значила для Черкасова! Вместе со своими зрителями вглядывался он в сложности исторического процесса, мечтая понять тайны движения времени, его загадки, пытаясь разгадать его законы. Все переплелось в том давнем времени. Отец и сын. Черкасов был и тем, и другим. Два его великих творения: Иван Грозный и царевич Алексей. В «Петре Первом» отец обрекает сына на смерть, но и сын не может принять правду отца. Царевич Алексей — одно из величайших актерских созданий нашего советского актерского искусства — отразил в себе наши с вами раздумья об истории. Как же он играл! Какая правда была в его полубезумных глазах, о чем он пророчествовал, от чего предостерегал! Он был советским актером и стало быть — гуманистом. Он жалел своего Алексея и нам завещал жалеть каждого, кто не понял историю, как должно было ее понять, и стал на дороге прогресса. Он был художник и стало быть — не судья, а сострадатель. И в этом своем прекрасном чувстве он смыкал актерскую школу советской эпохи с коренными традициями русского демократического искусства.

Черкасов играл много. Все роли актера трудно даже назвать. Но никогда со страниц истории советского кино не сотрется его работа в фильме Сергея Эйзенштейна «Иван Грозный». Более того, можно смело говорить о том, что роль Грозного имеет мировое значение. Черкасов играл так сложно, а режиссер вел фильм по такому нехоженному пути, что, может быть, только теперь мы в состоянии оценить их труд и

сделать верные выводы. Объединитель Руси, приумноживший могущество государства, грозный в исполнении Черкасова был в то же время и человеком жестоким, коварным, убийцей сына. Артист вновь возвращал себя и нас к пушкинским раздумьям о гении и злодействе, об истории и ее жертвах, о величии государства и о судьбах, принесенных в жертву истории. Черкасов не счлительничал, не искал простых решений, отлично понимая, что в жизни их не бывает, и нас учил этому.

И это еще один его великий урок и завет.

Духовное зрение получил Черкасов в наследство от своих предшественников в русской культуре. Потому-то так глубок и правдив созданный им образ депутата Балтики профессора Полежаева. Здесь он — молодой — играл глубокого старика, но вечно юного сердцем человека. Всегда было тайной это полнейшее преображение действительно молодого тогда артиста в образ. Можно, видимо, разобрав его работу с чисто профессиональных позиций, но и в этом случае мы не откроем тайны актера. Она заключена в духовном родстве художника с тем поколением русской демократической интеллигенции, к которой принадлежал герой Черкасова, старый профессор из Петербурга, почетный член нескольких академий.

В странном, внешне неприметном родстве находятся многие герои Черкасова. Вот так оказались связаны меж собой два его создания: царевич Алексей и... Полежаев. Их «родство» — по науке исторического мышления. Один не принял движения времени, а другой пошел эпохе навстречу, не забывая о потере друзей, спокойного существования, своего прошлого.

Разговором по телефону с Лениным заканчивался фильм «Депутат Балтики» — символическим единением вождя революции и той части народной интеллигенции, к которой принадлежали и Полежаев, и сам Николай Константинович Черкасов.

Интерес к истории, к людям, которые в культуре стали ее движителями, привел Черкасова к образам современников, реальных исторических лиц — Горького и Маяковского. Совпадение внешней фактуры, естественно, было недостаточно для создания этих образов. Необходимо было

открыть широту видения мира, гуманизм и революционность писателей, которых по праву называли пролетарскими. По признанию самого артиста, многократное исполнение роли Горького «значительно обогатило меня, явилось своего рода творческой школой, приблизило к задаче сценического воплощения образов выдающихся деятелей русской науки и культуры».

Творец в искусстве. Это не только воплощение, например, в театральном искусстве образа, написанного кем-то, хотя и такая работа, бесспорно, могла быть очень талантливой. Но для Черкасова «мечта — могучий двигатель творчества». Сначала предложение показать Маяковского в кино встретил он с противлением. Ему казалось, что этот образ не совпадет с его актерскими возможностями. Но так уж случилось, что, когда состоялся фильм о Маяковском с участием Черкасова, мысли актера возвратились к необходимости работы над тем, что было дорого поэту. И Черкасов стал инициатором появления в театре спектакля В. Катаняна «Они знали Маяковского». Вот это небезразличие к теме, к тому кого и что играть, — еще одна грань проявления личности Черкасова.

Масштаб творения: кого играть? Этот вопрос волновал актера постоянно. В последние годы своей жизни он сыграл Дронова, большого советского ученого, в спектакле С. Алешина, а затем в фильме «Все остается людям». Символическое, не правда ли, название для актера, память о котором никогда не померкнет?! В Дронове он искал и нашел черты современника, показал внутреннюю активность своего героя. Ведь и сам Черкасов был необыкновенно общественно активен: руководил Ленинградским отделением ВТО, выступал на съездах партии и конгрессах защитников мира. В образе Дронова жило время — время развернутой гражданской активности, чувства ответственности за все, что происходит в мире. Актер вместе с героем утверждает: «Человек не должен терпеть. Он должен добиваться, добиваться справедливости для всех, а значит, и для себя... И это единственно честный и смелый разговор с человеком, потому что тогда человек начнет думать! Мало сделал? Неужели для того и родился? Как живешь? Не гоняйся ли за символами? Не разуй ли куску у других, чтобы самому иметь два? Для чего? Неужели я не знаю, что куда с собой ничего не возмю? Все остается людям. И хорошее, и дурное. И в этом оставшемся — моя бессмертие или забвение. Все остается людям...»

Чувство ответственности — это ведь ипохаст чувства любви к Родине и своему народу. Актеру — подлинному художнику — важно найти такой материал, который даст возможность воплотить это чувство с предельной художественной выразительностью — через драму, через преодоление, даже через ошибку.

Одним из выдающихся сценических созданий Черкасова была роль генерала Хлудова в спектакле Ленинградского театра имени Пушкина «Бег», которому Николай Константинович отдал десятилетия своей жизни. Пьеса Михаила Булгакова. Уверена, что никто из видевших этот спектакль не забудет его финала — медленно всходящий герой Черкасова на поднимающийся помост, как на один из кровно близких холмов покинутой родины, всходил молча, неся в душе, в глазах стыд и раскаяние за то, что не понял сразу великой правды народа, боролся против него. А теперь, прощенный, возвращается на родную свою землю. Прощенный, но не простивший самому себе. Вот что играл Черкасов в роли Хлудова, в этом была трагедия героя, в этом был высший гуманизм художника, и в этом вновь Черкасов показывал, как остро и тонко он чувствует время. Сам он никогда не терял чувства связи со своим народом, своей эпохой. Николай Константинович прошел с ним полвека, держа перед своими зрителями правдивое и поучительное «зеркало эпохи».